

ЛЮДИ И «ЗВЕЗДЫ»

Комм. правда. - 1996. - 17 июля - 13

...И вот эта дама в норковой шубе с загадочным видом ведет своего кавалера в магазин драгоценностей...

Ей, заметим, всегда удавалось заставлять мужчин идти на безрассудства. Поэтому, наверное, ювелирный магазин "Мэри Голд", начинающая рекламную кампанию и выбирая лицо фирмы, остановился не на какой-нибудь там юной соблазнительнице, а на ней - актрисе, начавшей кинокарьеру в середине пятидесятых. И очень скоро на светящемся рекламном панно у входа в Старый Таллин засияла она - с белокурыми волнами волос и тонкими девичьими руками в брызгах драгоценных камней.

Это Эве Киви. Помните такую маленькую хрупкую блондинку в "Балтийском небе", "Судьбе резидента", "Идеальном муже" и в фильме "На Гранатовых островах"? По большому счету, первым официальным советским секс-символом следовало бы считать именно ее - потому что это афишами с ее обнаженным телом была увешана вся Москва перед премьерой фильма "Жизнь и смерть Фердинанда Люса", где они с актером Банионисом лежали в постели. Она была в совершенно прозрачном комбинезоне, и ее это нисколько не смущало.

Год назад она сильно всех удивила, неожиданно заинтересовавшись политикой, и даже, представьте, баллотировалась в эстонское Госсобрание. Куда, конечно же, не пошла, но осталась страшно довольна тем, что получила целых 114 голосов - тогда как в нынешнем парламенте сидят и те, кто набрал всего 30. Злые языки, впрочем, немедленно объяснили эту ее новую страсть интересом скорее к одному молодому политику, родившемуся примерно как раз тогда, когда Эве Киви начала блистать на большом экране.

Через пару лет ей предстоит отпраздновать одну круглую дату, после которой даже мужчины уходят на законный отдых - но только не она, изящная бабушка семилетнего внука, выглядящая на 20 лет моложе своего возраста и вырастившая взрослого сына - тренера по атлетической гимнастике, ужасно похожего на Шварценеггера. Когда она зовет его с собой на какой-нибудь очередной прием, он всегда недовольно ворчит: "Ну завтра же опять в газетенках напишут, что ты появилась с новым любовником..."

Кино

Удивительно, но в эстонском кино ее почти не снимали - скорее всего из ревности: слишком легко и просто прыгнула на большой экран эта хорошенькая эстонская школьница, которую случайно увидел в цветочном киоске на знаменитой таллинской улице Виру один кинооператор. И пригласил на эпизодическую роль в музыкальном фильме. Романтические советские газеты часто потом обыгрывали эту историю, сентиментально называя Эве "цветком среди цветов". Но дело не в этом, а в том, что сниматься в кино Эве не разрешила мама. Дочка и без того уже вовсю занималась спортом, отлично бегала стометровки и пропускала уроки. Короче, в тот день, когда ее пригласили, Эве Киви никуда не пошла. И только потом узнала, что съемки в этот день вообще отменили и вся студия искала ее по школам, зная лишь фамилию. А в средней школе №1, где она училась, девушек с фамилией Киви было целых пять, и одна из них - чемпионка по метанию диска. И надо же такому случиться: киношники опять встретили Эве на той же самой улице Виру, где до сих пор, и 40 лет спустя, все так же продают розы...

Предложения сыпались одно за другим. Потом, правда, кинокарьера перестала скла-

дываться столь же гладко: эстонский кинематограф не мог ей простить стремительного взлета, а советский воспринимал прежде всего как женщину-куклу. Несколько раз она сыграла таких марионеточек, а потом сказала себе: все, хватит. Да от нее сниматься в принципе никто и не требовал. У Эве Киви в истории советского кино было совсем другое амплуа.

Главная роль

В Эстонии ее иногда в шутку зовут Евой Киви. Может, причиной тому стала та самая постельная сцена с Банионисом. Первая в истории страны, где, как известно, секса не было.

- Мы должны были сниматься в первый же день, и сразу в постели. Накануне вечером я сидела в холле гостиницы, и вошел Банионис. Мы не были знакомы, нас сразу утвердили без кинопроб. Я его откровенно разглядывала. Тут Банионис увидел меня, подошел, протянул руку и говорит: "Эве, давайте знакомиться, а

за глаза называли Евой, официально величали самой красивой советской актрисой, мало снимали в кино, но тем не менее надолго задерживали на ней объективы фото- и телекамер. У нее была одна удивительная, просто потрясающая способность - и масса плохих, и хороших советских фильмов так никогда бы и не были проданы за рубеж, если бы не Эве, потому что она могла очаровать любого чиновника. И если им не удавалось спихнуть иностранцам какой-нибудь фильм - тогда в ход пускали ее.

От нее для этого требовалось немного - просто правильно выбрать одежду, а затем выйти и в нужный момент застыть на всеобщее обозрение. Гардероб зависел от страны пребывания. Если это была Латинская Америка или Африка, а чиновники, соответственно, смуглыми и темпераментными, Эве Киви надевала супермини и декольте. На приеме у премьер-министра Йемена тот, взяв ее за руку, задержал ладонь Эве в своей на-

Тогда, в Москве, в гостинице "Россия" они были счастливы.

Фото из семейного архива.

Эве КИВИ:

«С Дином Ридом мы любили друг друга во всех столицах мира»

А так Эве Киви выглядит сейчас.

то завтра будет очень неудобно, когда я вам протяну руку в постели". И назавтра я уже перед камерами ползла к нему в коротеньком комбинезоне телесного цвета. У меня в жизни никогда не было таких полных мужчин. Банионис - маленький, но у него животик, как мячик. Я засмеялась. А он говорит (она смешно изображает литовский акцент): "Эве, что с тобой?" - "Слушай, у меня такое чувство, что этот твой мячик сейчас лопнет". А рядом бегают режиссер Бобровский и возмущается: "Вы что, оба первый раз в постели лежите? Ну-ка выключите свет, пусть привыкают друг к другу!"

Впрочем, была и другая причина тому, что Эве Киви

целых пять минут, вопреки этикету, и говорил, говорил, потому что не знал, куда смотреть - в декольте или в разрез платья, где маячила ножка.

- Ну а вы то что чувствуете в тот момент, когда у мужчины от восхищения дрожит рука?

- Это же хорошо, если я вызвала в нем такие чувства. Это не то, что наши, эстонские мужчины: если ты просто улыбаешься, они уже думают, что ты - легкомысленная особа и что-то им обещаешь.

- Ну а скажем, если требовалось продать фильм какой-нибудь супердержаве, и без того избалованной кинематографом?

- Италия вас в качестве кинодержавы устраивает? Однажды, помню, я продала эстон-

ский фильм "Последняя реликвия". Итальянец - он был такой толстый, круглый - покупать ничего категорически не хотел. Но как меня увидел, у него задрожал подбородок, он схватил мою руку и прямо на приеме начал всю целовать - от пальчиков до плеча. А рядом стоял представитель Экспорта и меня время от времени подталкивал, чтобы я не забывала о работе. Я говорю ему: "Стоп, синьор, но выше локтя вы можете целовать только после того, как подпишете контракт". Тот взмолился: да у меня столько фильмов со знаменитостями, вестернов американских, не нужна мне эта ваша "реликвия". А я тогда говорю: "Ах, я вам не нужна? Хорошо. И не будет тогда". Он так посмотрел на меня... "Я подпишу!" Пожалуй - и я со смехом выставила плечо...

Я к этому относилась с юмором, потому что привыкла к тому, что в советских посольствах мне сразу говорили: "Эве, на арену! Сегодня вечером на банкете надо соблазнить того-то или того-то". В Боливии как-то была такая ситуация. "Эве, сегодня Людмила Савельева будет заниматься вот этим, а ты вот тем"... Я спросила: а кто этот человек? Начальник американской разведки в Боливии - отвечают...

- А зачем вообще понадобилось его охмурять?

- Чтобы не было всяких контррозунков, чтобы не свистели в залах и чтобы Неделя культуры прошла благополучно.

- И с этим "особым даром" вы объехали полмира?

- Я была нарасхват, все хотели ехать за границу именно со мной, все говорили, что со мной очень легко работать, надо только вовремя выпустить меня вперед, и контракт будет подписан. Разумеется, мне за это платили только суточные, но зато я действительно видела практически весь мир.

- И в этом мире вам удалось

наконец встретить настоящего мужчину?

- Да, одного я нашла, но только я его через 17 лет опять потеряла.

Конечно, она имела в виду Дина Риду.

Он

Ах, какие у него были глаза! Синие-синие, и от сакраментального сравнения с васильками тут никуда не денешься...

Познакомились они в Москве, на кинофестивале. Их непременно захотели заснять вместе фотокорреспонденты: красивая пара, сделаем фото - и попали в точку. Он прямо там, при всех взял ее за руку и сказал: "Ты - моя". И руководство Госкино закрыло на их роман глаза, потому что они были равны: она носила официальный статус самой красивой актрисы советского кино, а он был самым популярным в стране американским певцом и оппозиционером.

Он заставил ее выучить испанский язык. У него была привычка: он приходил вечером, усаживал ее, маленькую и хрупкую, на колени, и спрашивал: "На каком языке мы будем сегодня говорить, на испанском или на английском?" И сразу становилось ясно, что у него на душе - если все хорошо - болтали по-испански, если нет - по-английски.

Они почти сразу же развелись со своими вторыми половинками - Эве с мужем и Дин со своей первой женой Патрицией. И началась эта адская жизнь со всеми издержками советской травли - хотя двум любящим публики этот роман был разрешен почти официально.

- Но ведь он-то был иностранцем проверенным...

- Он хоть раз снимался в кино в Советском Союзе? Ни разу. Он хотел иметь квартиру в Москве - ему не дали.

- Неужели даже вам власти чинили препятствия?

- И очень большие. Делалось все, чтобы нас разлучить.

Все это началось после смерти Фурцевой, она, кстати, к нам относилась благосклонно. Она увидела меня на II Московском кинофестивале, и я ей так понравилась, что она сказала: этой актрисе поручите вручать фестивальные призы. Когда она узнала про меня и Дина, она послала нам на Новый год коньяк и черную икру. Это был первый Новый год, который мы встречали вместе. Потом у него вырезали гланды, и она поместила его в санаторий "Барвиху", а мне помогла выхлопотать пропуск, чтобы я могла его навещать. Мы встречались с Дино в разных странах, я говорила ему, где я буду и когда, - он-то мог всегда полететь и подстраивался под мой график. Помню, как однажды ночью в Риме я бежала к нему и надела черный парик, чтобы меня не заметили на выходе из отеля. Возвращалась я как раз под утро, когда надо было вставать и идти завтракать, моего отсутствия никто не замечал, так что это теперь мой самый любимый город - я все время мысленно брожу по нему.

Сон

...Он приснился ей в ту ночь, когда его не стало. Вернее, когда его отравили, а потом бросили в озеро, как утверждает Эве, хотя эту ее версию пока никто не подтвердил, но и не опроверг. Ей приснилось, что он от нее уходит. Привозит чемодан и говорит: "Эве, ты должна выстирать мой грязные вещи". Прямо так и сказал: "Ты должна". Она открыла этот чемодан, а там были только носовые платки, мокрые от слез. Она начала медленно считать, сколько их - дошла до 12. Он выразительно повторил - двенадцать, двенадцать... Все совпало - он погиб 12 июля, а о его смерти объявили 17-го. Она сразу же позвонила знакомым в ГДР и спросила: а что с ним пять дней делали, где он пропадал? Они удивились: откуда ты знаешь?.. Она закрыла чемодан, и он начал уходить, печально оглядываясь. Она хотела идти за ним, но не могла, ее тянуло назад. Она плакала и говорила: "Дин, не уходи, я за тобой не успеваю". Но он все равно ушел...

Это была самая долгая ее и его земная любовь, длившаяся 17 лет, - при том, что у каждого из них при этом были свои человеческие обязательства и свои жизни и что они четыре раза расходились и столько же раз бросались друг к другу снова...

- Если бы снимали фильм об истории вашей любви: как бы он начинался и как заканчивался?

- Последние кадры были бы моим сном, а первые - моими мечтами: Дин поет, Дин улыбается, Дин обнимает меня. Одно время я уже думала об этом, и нашла девушку, которая могла бы сыграть меня. Мы похожи не столько внешне, сколько внутренне. Она даже не блондинка и не актриса, а секретарша. Но что-то было в ее глазах такое родное - душа, мимика, волнение внутреннее, что это же я - бывшая. Но нет актера, который мог бы сыграть Дина...

Кольцо, которое он ей надел на палец, - подарок от матери, разлетелось на мелкие кусочки еще при его жизни. Сначала потерялся рубин в самом центре, потом отломилась листочки вокруг - это была очень интересная, старинная работа. И остался у Эве Киви на память о Дине только тоненький золотой ободок. Это тоже был знак.

Галина САПОЖНИКОВА.
(Наш соб. корр.).

Таллин.